

О НЕКОТОРЫХ РЕШЕНИЯХ ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ИСКА

В науке и на законодательном уровне общепризнанно, что процессуальное равенство сторон обвинения и защиты перед судом обеспечивается в условиях действия одного из основных принципов уголовного процесса — принципа состязательности, где стороны получают реальную «возможность на равных правах отстаивать свои требования и утверждения, оспаривать утверждения друг друга»¹.

Еще в дореволюционной процессуальной науке состязательное понимание построения судопроизводства привело к возникновению и развитию концепции уголовного иска, согласно которой обвинение «есть тот же иск, но не частный и материальный, а публичный и индивидуальный сообразно особым свойствам уголовного дела»², т.е. «понятие обвинения в уголовном процессе соответствовало понятию иска в гражданском»³. Так, институт обвинения по своей процессуальной природе представлялся требованием или ходатайством о судебной защите⁴. И только в процессе состязательном, как указывал в свое время известный российский процессуалист И.Я. Фойницкий, «устанавливалось положение, что суд сохранял власть принятия или непринятия обвинения по условиям юридическим...»⁵.

Несмотря на отсутствие понятия «уголовный иск» в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ, изложенные выше положения тем не менее сохраняют актуальность. Так, например, утвержденное прокурором обвинительное заключение, в котором выражена воля двух властвующих субъектов — следователя и прокурора, для суда есть лишь процессуальное заявление стороны, по сути, ходатайство прокурора о принятии судом данного дела к рассмотрению, обоснованное собранными по этому делу и представляемыми суду доказательствами. За судом, в свою очередь, остается право выбора: удовлетворить такое ходатайство, если поступившее в суд дело с обвинительным заключением отвечает всем формальным требованиям, установленным УПК РФ, и отсутству-

* © Мелконян А.З., 2012

Мелконян Аня Завеновна — студент юридического факультета Самарского государственного университета

ют основания для направления его по подсудности, возвращения прокурору, прекращения или приостановления (ст. 236–239 УПК РФ); или отказать в его удовлетворении. Другими словами, категория уголовного иска дает возможность последовательно сформулировать положение прокурора как равноправной стороны в уголовном судопроизводстве, обязанного обосновать свои притязания и только затем требовать осуждения⁶.

Такой подход позволяет в соответствии с реалиями сегодняшнего дня, а также на основе уже достигнутых научных знаний исследовать сущность некоторых процессуальных решений в контексте процессуальных заявлений.

Поэтому исходной посылкой для последующих рассуждений может служить утверждение о двойственной процессуальной природе таких решений.

Отметим, что УПК РФ в п. 33 ст. 5 общим образом определяет процессуальное решение как решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, дознавателем. По верному замечанию А.В. Шуваткина, данное определение устанавливает круг субъектов, правомочных принимать процессуальные решения, но не раскрывает сущности этого явления, потому вряд ли его можно считать в полной мере удачным⁷.

Между тем для правильного понимания сущности решений органов уголовного преследования представляется важным выделить круг тех решений, которые будут проанализированы в русле «решения-заявления». С этой точки зрения к таким решениям следует отнести те, посредством которых государственные органы, выступающие на стороне обвинения и уполномоченные до суда принимать властные решения по делу, обращаются к суду. Исходя из содержания норм УПК РФ, к их числу относятся все итоговые процессуальные решения по делу, направляемые в суд. Подобные решения в таких случаях приобретают иную процессуальную природу и в суд приходят уже как заявления, которые могут быть удовлетворены или нет. Это в полной мере соответствует состязательной форме процесса и, как следствие, концепции обвинения как уголовного иска, «поскольку именно уголовный иск является основным источником движения уголовного дела в состязательном судопроизводстве»⁸.

Таким образом, аналогичную обвинительному заключению процессуальную природу будут иметь следующие виды решений: обвинительный акт, решения органов предварительного расследования о возбуждении перед судом ходатайства для получения судеб-

ного разрешения на производство следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод личности, и на применение указанных в законе мер процессуального принуждения, представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, заключение прокурора о необходимости возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Успех быть удовлетворенными могут иметь любые из перечисленных выше решений, каждое из которых соответствует всем необходимым юридическим условиям.

Так, например, согласно ч. 3 ст.108 УПК РФ в ходатайстве об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу следователем (дознавателем) в обязательном порядке излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость именно в заключении под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения. Кроме того, закон требует приложить к постановлению материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства, и, следовательно, обосновать его (ходатайство) в судебном заседании (ч.6 ст.108 УПК РФ). Такое положение дел отвечает логике состязательного процесса, в соответствии с которой «обязанность доказать лежит на том, кто утверждает, а не отрицает»⁹. «Иными словами, обязанность должностного лица, заявившего ходатайство, доказать его в суде, безусловна: если бремя доказывания для этого лица оказалось непосильным, суд обязан отказать в удовлетворении ходатайства»¹⁰.

Однако на практике при рассмотрении таких ходатайств судьи нередко в нарушение требований уголовно-процессуального закона без учета конкретных обстоятельств дела, разъяснений Верховного Суда РФ, в частности, постановления Пленума от 29.10.2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», удовлетворяют необоснованные ходатайства органов предварительного расследования, доводы которых ограничены лишь формальным перечислением указанных в ст. 97 УПК РФ оснований для избрания меры пресечения, не подтверждая их достоверными сведениями, как того требует Верховный Суд РФ в Постановлении № 22. Это связано с тем, что судьи, как справедливо замечает В.А. Лазарева, не хотят вступать в противоречие с органами уголовного преследования и принимают решения, основываясь на

соображениях, не совпадающих с положениями закона, а работники органов предварительного расследования и прокуратуры, уверенные в том, что суд их поддержит, не тратят силы на обоснование своих ходатайств¹¹.

В связи с изложенным приведем конкретный пример.

Так, судья федерального суда Советского района г. Самары, удовлетворив ходатайство следователя Советского межрайонного следственного отдела г. Самары следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Самарской области о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого С., в мотивировочной части своего постановления от 21.01.2010 г. указал следующее:

«...мерой пресечения С. необходимо избрать содержание под стражей, т.к. подозревается в совершении тяжкого преступления, может скрыться от органов предварительного следствия, поскольку *со слов следователя* (выделено мной. — М.А.) не являлся по повесткам и не проживал по месту жительства. Кроме того, С. может оказать давление на свидетелей, поскольку вину не признает и свидетели являются его знакомыми»¹².

Появлению следующего процессуального решения, по сути заявления, способствовали внесенные в УПК РФ сравнительно недавние изменения, посредством которых в уголовно-процессуальный закон была включена новая глава 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Специфика данной главы в первую очередь связана с введением новых процессуальных актов, среди которых особую значимость, в силу двойственной юридической природы, приобретает представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве и в котором выражено «мнение прокурора (стороны обвинения) о том, насколько заявленные в соглашении намерения о содействии обвиняемого подтвердились в ходе предварительного следствия»¹³.

Уголовное дело, поступившее в суд с представлением прокурора, является основанием для рассмотрения судом вопроса об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному делу. Применение особого порядка всецело зависит от соблюдения установленных законом условий, которым должно отвечать представление прокурора. В противном

случае суд принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке (ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ).

В контексте процессуальных заявлений полезно проанализировать процессуальную сущность отказа государственного обвинителя от обвинения в суде с изложением суду мотивов отказа (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Для этого предлагаем обратиться к действовавшим ранее положениям УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. (в некоторых источниках УПК РСФСР 1923 г. называется уточненной «редакцией» УПК РСФСР 1922 г., т.к. структура и подавляющее большинство норм указанных кодексов идентичны. В этой связи законодательное регламентирование отказа обвинителя от обвинения в УПК РСФСР 1923 г., по сравнению с УПК РСФСР 1922 г., не изменилось; изменилась только нумерация статей¹⁴), а также 1960 г. Указанные кодексы были ориентированы на то, что отказ, как право обвинителя по УПК РСФСР 1922 г., 1923 г. и как обязанность прокурора по УПК РСФСР 1960 г. от обвинения не освобождал суд от обязанности продолжить судебное разбирательство и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого. В этом выражались обвинительные функции суда, что в условиях состязательного судопроизводства недопустимо.

По справедливому утверждению П.П. Рукавишникова, отказ государственного обвинителя от обвинения в таких случаях необходимо было расценивать как *ходатайство* стороны уголовного процесса о принятии судом процессуального решения, находящегося в его исключительной компетенции. Тем самым суд не был связан *заявлением* государственного обвинителя об отказе от обвинения, такой отказ не имел какого-либо правового значения для суда и носил рекомендательный характер¹⁵.

Однако с вступлением в 2001 г. в действие УПК РФ положение изменилось. Теперь полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования (ч. 1 ст. 239, ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Такой отказ предопределяет принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем¹⁶.

Данное законоположение содержит категорическое предписание, полностью соответствует требованию разграничения функций обвинения и защиты и запрету перехода суда на позицию обвинения, составляющих принцип состязательности. Прокурор — распорядитель уголовным преследованием, и отказ от него означает, что обвинение аннулировано¹⁷ и, как следствие, исчерпаны все возможности для продолжения уголовного преследования подсудимого¹⁸.

Указанные выше изменения сказались и на процессуальной природе института отказа от обвинения. В связи с этим в теории высказывались различные мнения.

Так, П.П. Рукавишников, рассматривая вопрос о процессуальной форме отказа от обвинения, которая законодателем не определена, отмечал, что «отказ государственного обвинителя от обвинения не содержит в себе ни требования, ни просьбы и, более того, не обращен к суду. Отказ от обвинения является именно самостоятельным процессуальным решением государственного обвинителя, процессуальные последствия которого не позволяют суду продолжать осуществление функции разрешения уголовного дела полностью или в части.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом суд не обладает полномочием не удовлетворить заявленный государственным обвинителем отказ от обвинения. Отказ государственного обвинителя от обвинения влечет безусловное принятие судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), что в этой связи не позволяет рассматривать такой отказ как ходатайство»¹⁹.

Позиция автора по данному вопросу предельно ясна, и мы не беремся спорить о том, что отказ от обвинения является процессуальным решением государственного обвинителя. Более того, такой отказ не является и ходатайством (в отличие от рассмотренных выше положений УПК РСФСР относительно процессуальной природы отказа от обвинения, и принятого в литературе мнения об отказе как о ходатайстве стороны уголовного процесса) лишь потому, что, исходя из назначения ходатайства, от суда не зависит принятие решения об удовлетворении или отказе в его удовлетворении. Однако то, что отказ от обвинения имеет обязательный характер для суда и принимается безоговорочно, не меняет сущности *отказа как процессуального заявления*. Есть, например, ходатайства, которые подлежат обязательному удовлетворению. Так, например, ходатайство о допросе свидетеля, явившегося в судебное заседание (ч. 4 ст. 271 УПК РФ).

В.А. Лазарева, например, рассматривая вопрос оформления отказа прокурора от обвинения, утверждает, что письменная форма отказа позволит государственному обвинителю мотивировать свое *заявление*, которое, в свою очередь, может изменить подсудность уголовного дела, и всегда меняет предмет предстоящего судебного разбирательства²⁰. Такая позиция в очередной раз подчеркивает особый характер отказа от обвинения как решения и отвечает сущности отказа как заявления.

Относительно процедуры заявления отказа от обвинения следует отметить, что, согласно разъяснениям Конституционного Суда РФ, изложенным в Постановлении № 18, отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивирован со ссылкой на предусмотренные законом основания, причем такой отказ и принятие судом соответствующего решения по нему могут иметь место лишь по завершении исследования значимых для такого рода решений материалов дела и заслушивания мнений по этому поводу участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты²¹. Следование этому правилу придает отказу прокурора от обвинения более убедительный и мотивированный характер, позволяет избежать поспешности в решении столь важного вопроса²².

Однако нельзя не усмотреть парадокса в том, что процессуальная обязанность государственного обвинителя изложить суду мотивы такого отказа не имеет, собственно, процессуального значения, поскольку суд обязан прекратить дело независимо от изложенных мотивов, равно как и от их отсутствия, если понимать положения ч. 7 ст. 246 УПК РФ буквально. «Этим суд как бы солидаризируется с прокурором, хотя внутренне может и не соглашаться с его доводами»²³.

В связи со сказанным возникает вопрос: «А как же быть с интересами потерпевшего, не согласного с прекращением уголовного дела?».

Данный вопрос был разрешен еще в УПК РСФСР (с учетом изменений от 16.07.1993 г.), где речь шла о последствиях отказа прокурора от обвинения в суде присяжных. Так, ст. 430 УПК РСФСР гласила о том, что «отказ прокурора от обвинения в стадии судебного разбирательства *при отсутствии возражений со стороны потерпевшего* (выделено мной.— М.А.) влечет прекращение дела полностью или в соответствующей части...»²⁴.

Действующий же УПК РФ в этом вопросе категоричен и не предусматривает никаких исключений, в связи с чем отказ от обвинения, как видно из вышеизложенного, носит безусловный характер. Такая позиция законодателя нацелена на то, чтобы ни у кого

не возникало каких-либо сомнений в объективности суда и его независимости от обвинения. Однако законодателем не учитывается, что такая позиция может нарушать интересы потерпевшего, не согласного с прекращением уголовного дела. Поэтому на сегодняшний день указанный выше вопрос и способы его разрешения актуальны пока лишь на уровне теоретических рассуждений. От этого сущность отказа государственного обвинителя от обвинения как заявления не меняется.

Суммируя вышеизложенное, еще раз подчеркнем, что исследование некоторых решений органов уголовного преследования в контексте процессуальных заявлений позволяет объективно оценивать юридическое значение тех или иных действий сторон в состязательном процессе, предполагающем «наличие спора между сторонами обвинения и защиты и равенство их прав на участие в этом споре»²⁵, и особо выделяет это процессуальное равенство сторон обвинения и защиты перед судом. Процессуальное равенство сторон на уровне идеи беспрепятственно принято отечественной юридической мыслью, однако не столь просто приживается на уровне процедурного воплощения и уж тем более — в реальной практике. Между тем в контексте процессуальных заявлений равную процессуальную силу имеют, например, обвинительное заключение (обвинительный акт) и ходатайство защитника о прекращении уголовного дела, ходатайство защитника о назначении экспертизы в суде и мнение государственного обвинителя по поводу ее назначения. Напомним, что в соответствии с ч. 2 ст. 288 УПК РСФСР аналогичное по процессуальному значению заявление прокурора именовалось «заключением», что выделяло одну составляющую сторону на фоне другой, а потому потребовало изменения законодательной терминологии.

Примечания

¹ Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский [и др.]. М.: Наука, 1983. С.55.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т.2. С.4.

³ Цапаева Т.Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. С. 7.

⁴ См.: Фойницкий И.Я. Указ.соч. С.4.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С.41.

⁷ См.: Шуваткин А.В. Обвинительное заключение в современном уголовном процессе России. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 34.

⁸ Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии / науч. ред. В.В. Вандышев. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С.127.

⁹ Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб пособие. М.: Юрайт, 2011. С. 140.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Там же. С. 127.

¹² Из личной практики автора.

¹³ Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 9.

¹⁴ См.: Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 34–35.

¹⁵ См.: Там же. С. 38, 76.

¹⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5. С. 7.

¹⁷ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 482.

¹⁸ См.: Демидов И., Тушев А. Отказ прокурора от обвинения // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 25.

¹⁹ Рукавишников П.П. Указ.соч. С. 106–107.

²⁰ См.: Лазарева В.А. Указ.соч. С. 176, 219.

²¹ См: п. 7 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 г. №18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан г. Москва». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²² См.: Лазарева, В.А. Указ.соч. С. 225.

²³ Шейфер С.А., Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 40.

²⁴ Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С изменениями и дополнениями по состоянию на март 1995 г. М.: БЕК, 1995. С. 381.

²⁵ Бубнов Р.Г. Взаимоотношения субъектов обвинительной деятельности и суда // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сборник научных статей / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 164.